

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.3>

UDC 930.26:903.5(470+571)

LBC 63.48(2)-3

Submitted: 31.07.2025

Accepted: 27.09.2025

AGE AND GENDER SPECIFICITY OF NOMADS OF THE VOLGA-DON REGION BASED ON MATERIALS FROM MEDIEVAL BURIAL GROUNDS

Maria A. Balabanova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article presents the results of a demographic analysis of medieval nomads of the Volga-Don region, which are brought into scientific discourse for the first time. *Material and methods.* The research material was four cultural-chronological series: early Turkic, Khazar, pre-Golden Horde, and Golden Horde times. The first two groups were formed from anthropological materials of separate burial grounds; their numbers were 59 and 154. The other two groups were obtained as a result of excavations of individual burial grounds: the nomadic burial ground of Sarkel-Belaya Vezha (46 skeletons) and the burial ground of Bakhtiyarovka (121 skeletons). The age and sex structure and demographic indicators were determined based on mortality tables. The calculation of paleodemographic parameters was performed using the computer program of D.V. Bogatenkov, *PDemography 3R Acheron*, built on the basis of MS Excel. *Analysis and discussion.* The results of the study demonstrated for all studied groups of medieval nomads violations from the normal distribution associated with the deformation of the sexual structure towards the predominance of men over women and a significant reduction in children of all ages in burials under kurgans. Comparative analysis of demographic indicators such as the average age of survival of the adult population and the proportion of the cohort of young people (15–35 years old) and people over 50 years old demonstrated similarities both among themselves and with the urban Golden Horde series. *Results.* The violations of the age and sex structure of the medieval nomads revealed as a result of the study can be associated with their Turkic origin and nomadic way of economy, which involves the use, in addition to inhumations, of other types of burials (air, on-ground, etc.), which were noted by ethnographers and travelers among the Turkic nomads of the modern era of Siberia and Central Asia. *Funding.* The work was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00772, “Anthropological Study of Polyethnic Medieval Societies in the Lower Volga Region”, <https://rscf.ru/project/24-28-00772/>.

Key words: nomads, age and sex structure, demography, Golden Horde, Khazars, Pechenegs, Polovtsians, steppe, nomadic way of economy.

Citation. Balabanova M.A. Age and Gender Specificity of Nomads of the Volga-Don Region Based on Materials from Medieval Burial Grounds. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 5, pp. 34-51. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.3>

УДК 930.26:903.5(470+571)

ББК 63.48(2)-3

Дата поступления статьи: 31.07.2025

Дата принятия статьи: 27.09.2025

ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СПЕЦИФИКА КОЧЕВНИКОВ ВОЛГО-ДОНСКОГО РЕГИОНА ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ ¹

Мария Афанасьевна Балабанова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статью приводятся результаты демографического анализа средневековых кочевников Волго-Донского региона, которые впервые вводятся в научный оборот. *Материал и методы.*

Материалом исследования послужили четыре культурно-хронологические серии: раннетюркского, хазарского, дозолотоордынского и золотоордынского времени. Первые две группы были сформированы из антропологических материалов разрозненных могильников, их численность – 59 и 154. Две другие группы были получены в результате раскопок отдельно взятых могильников: кочевнический могильник Саркел – Белая Вежа (46 костяков) и могильник Бахтияровка (121 костяк). Половозрастная структура и демографические показатели определялись на основе таблиц смертности. Расчет палеодемографических параметров производился при помощи компьютерной программы Д.В. Богатенкова PDemography 3R Acheron, построенной на базе MS Excel. *Анализ и обсуждение.* Результаты исследования продемонстрировали для всех исследуемых групп средневековых кочевников нарушения нормального распределения половозрастной структуры в сторону преобладания мужчин над женщинами и значительного сокращения детей всех возрастов в погребениях под курганами. Сравнительный анализ таких демографических показателей, как средний возраст дожития взрослого населения, доля когорты молодых людей (15–35 лет) и лиц старше 50 лет, показал сходство как между собой, так и с городскими золотоордынскими сериями. *Выводы.* Выявленные в результате исследования нарушения половозрастной структуры исследуемых средневековых кочевников можно связать с их тюркским происхождением и кочевным способом хозяйствования, который предполагает использование, кроме ингумаций, иных типов погребений (воздушный, наземный и др.), отмеченных этнографами и путешественниками у тюрков-кочевников нового времени Сибири, Средней Азии и Казахстана. *Финансирование.* Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-00772 «Исследование антропологии полиэтнических социумов Нижнего Поволжья в эпоху средневековья», <https://rscf.ru/project/24-28-00772/>.

Ключевые слова: кочевники, половозрастная структура, демография, Золотая Орда, хазары, печенеги, половцы, степь, кочевный способ хозяйствования.

Цитирование. Балабанова М. А. Половозрастная специфика кочевников Волго-Донского региона по материалам средневековых могильников // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 5. – С. 34–51. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.3>

Введение. Восстановление половозрастных структур кочевого населения степей Волго-Донского региона, основанное на данных палеоантропологии с проведением межпопуляционных сравнений демографических параметров и кривых смертностей, позволяет оценить ведущие механизмы адаптации к экологическим и культурно-историческим трансформациям окружающей среды. Важным условием реконструкции демографических структур в любом исследовании является получение наиболее полной половозрастной информации, когда привлекается весь материал могильника [1]. Для городского и оседлого населения, некрополи которых содержат большое количество могил, это условие соблюдается, даже если раскопан не весь могильник. Когда же исследуются материалы групп населения с кочевым бытом, оно нарушается, так как человек в момент смерти мог находиться далеко от родового кладбища, которое располагалось на зимнем стойбище и относилось к родовой собственности. Погребать своих сородичей на родовом кладбище было очень важно, так как в последний путь провожали не только близкие родственники и со-

седы, но и друзья и знакомые с отдаленных стойбищ [19, с. 152, 153; 44, с. 584; 47, с. 98–100]. Собраться же всем вместе было затруднительно как летом, когда большая часть населения кочевала и находилась вдали от зимних стойбищ, так и зимой, которая исключалась из проведения погребального обряда, так как природно-климатические условия препятствовали этому. На территории современной Южной Сибири, Киргизии, Казахстана и восточно-европейских степей зимой земля промерзает на метр и более, что вызывало затруднения в сооружении погребального устройства. Этому еще способствовало и то, что у кочевников зимний период был сопряжен с высоким уровнем смертности не только для людей, когда силы и здоровье истощались и очень многие не могли пережить суровую пору, но и для скотины [19, с. 152–157; 47, с. 110–113]. В связи с этим тела людей, умерших в зимний период, сохраняли во временных так называемых отложенных захоронениях, которые у казахов и киргизов называются аманат [47, с. 109, 110]. Именно эти причины являлись главными для переноса погребения умерших сородичей на более теплое время года, поэтому совершали

обряд погребения умершего только в начале лета и осенью [19, с. 152, 153]. Об аналогичной практике у средневековых тюрков есть информация в китайской хронике Таншу: «Умершего весной и летом хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть и опадать, умершего осенью или зимой хоронят, когда цветы начинают развертываться...» [9, с. 230].

Наличие временных захоронений у казахов, киргизов и тюркских народов Южной Сибири отмечали китайские источники, путешественники и этнографы XVIII–XX веков. У них есть и данные, какие типы временных захоронений практиковались. Обычно тело умершего заворачивалось в кожаный саван и помещалось в специальной юрте или пещере, засыпанной снегом и камнями; сооружали специальные склепы; подвешивали на дерево и др. [3, с. 29; 19, с. 152–157; 21, с. 106–170, 225; 25, с. 128; 47, с. 109–113 и др.].

Нередко временные захоронения у тюрков практиковали по отношению к знатым умершим, о чем свидетельствуют китайские письменные источники начала VII века. Опираясь этой информацией, В.Е. Войтов дает такое описание: «Кюль-тегин был похоронен через 9 месяцев, а Бильге-каган – через 7 месяцев после кончины» [14, с. 109]. Так как обе исторические личности относились к политической верхушке Восточно-тюркского каганата VII–VIII вв., предполагалось и бальзамирование тела, что также требовало определенного времени до совершения погребения. Примером такой ситуации может служить наличие трепанационного отверстия в теменной области черепа диаметром 4 см у мужчины из погребения могильника Каракаба, относящегося к раннетюркскому времени. О его высоком статусе свидетельствуют и следы маски из серебряной пластины [36, с. 678–679]. Есть и другие примеры случаев трепанаций, обнаруженные на территории Казахстана. Видимо, бальзамирование проводилось с целью сохранения тела до погребения [19, с. 153].

Временные захоронения практиковались и в случае, когда человек умирал вдали от родного стойбища, о чем свидетельствуют этнографические данные. Такую практику у киргизов и казахов вплоть до XVIII в. отмечает Ф.А. Фильсруп: «Не имея возможнос-

ти отвезти к святыне умерших, казахи “вешают” на деревьях, обвив войлоками и бязями, поколь земля не растает» [47, с. 109–113]. После этого родные старались перевезти покойного и похоронить на родовом кладбище.

Кроме временных захоронений этнографы и путешественники сообщают об особых типах захоронений у кочевников. В специальной статье, посвященной типам и способам погребения у народов Сибири, Л.Р. Павлинская выделяет четыре типа: воздушное (на дереве или помосте), наземное, ингумация и кремация [30, с. 29].

Обряд воздушного погребения практиковали в прошлом многие народы Сибири: алтайцы, барабинские татары, буряты, ительмены, кеты, нганасаны, ненцы, селькупы, тувинцы, хакасы, шорцы, эвенки, якуты и представители некоторых других коренных народов. Сведения об этом впервые появляются в китайской хронике эпохи династии Суй (581–618 гг.) [9]. Есть описание воздушных погребений у путешественников и этнографов XIX в. (А.М. Горохов, В.И. Вербицкий, Д.Я. Самоквасов, Н.Ф. Катанов и др.). При этом отмечается, что не ко всем умершим применялся этот обряд [9, с. 348; 49, с. 95, 99]. Г.Ю. Ситнянский сообщает, что многие народы практиковали такой обряд к умершим не своей смертью: алтайцы хоронили на деревьях людей, погибших от удара молнии, а также девушек, не доживших до свадьбы [42, с. 175].

В свою очередь телеуты, шорцы и другие народы такой обряд совершали над умершими детьми. Он различался у детей разного возраста. Так, тело умершего младенца обычно помещали в дупло, прикрывая его корой, чтобы никто не мог увидеть эту могилу. Если же умирал подросток, то, прежде чем привязать его труп к дереву, помещали в деревянный гроб или же заворачивали в бересту [18; 43].

Воздушное погребение применяли и к служителям культа, шаманам. Этнографы XX в. не раз фиксировали такие захоронения у якутов, тувинцев и др. Для этого иногда устраивали специальные помосты высоко на дереве. Есть мнение, что коренные народы Сибири воздушные погребения практиковали ко всем умершим, а впоследствии стали применять только к детям, шаманам и уважаемым старикам [18].

Наземный тип захоронения практиковали многие народы Сибири: алтайцы, сибирские татары, ханты, манси, кеты, эвенки и др. Этот обряд просуществовал у агинских бурят до XIX – начала XX в. и предусматривал захоронение умерших, не погребая их в земле, а оставляя в специально отведенных местах (шаманская роща, гора или возвышенность и т. д.) для «растаскивания» тел хищниками и птицами. Они полагали, что чем быстрее исчезнет тело, тем быстрее душа обретет перерождение [48, с. 327, 328]. Наземное захоронение на помосте практиковали как к умершим шаманам, так и к бедным и богатым сородичам. Вот что об этом сообщает И.Г. Георги, который писал в XVIII в.: «В прежние времена клали они их на землю с оружием, верховую сбрую и домашнюю рухлядь и зарывали, покрывая сверху камнем или хворостом» [15, с. 36].

Хакасы также вплоть до XVIII в. не имели постоянных кладбищ и практиковали наземные способы захоронения, оставляя умерших в гробу, установленном на помосте [11, с. 121; 15, с. 176; 16, с. 313, 328, 329]. У Н.Ф. Катанова также есть сведения, что урянхайцы умершего оставляли в степи [20, с. 128, 130].

Ф.А. Фиельструп пишет, что место захоронения у некоторых казахов и киргизов находится там, где его настигла смерть: «...на урочище; на дорогах для того, чтобы родные и почитатели при каждом удобном случае могли исполнить молитву над умершим; другое условие – близость воды» [47, с. 108].

У монголов также встречался обряд, когда тело покойного из простой, небогатой семьи вместо похорон оставляли в степи или в горах. Другой способ был связан с тем, что покойного помещали на повозку с лошастью и отпускали в степь. Этот тип погребального практики существовал у монголов задолго до принятия ими ламаизма [48, с. 327–328].

Сведения об оставлении умершего, завернутого в шубу или халат, на поверхности земли в укромном месте имеются у Е.К. Яковлева [51, с. 97, 98], у Ф.Я. Кона [22, с. 38], который этот обряд зафиксировал у тувинцев, хотя и относил его к новациям, связанным с принятием ими ламаизма.

Известный этнограф Л.П. Потапов, описывая погребальный обряд тувинцев Монгун-Тайгинского и Бай-Тайгинского районов, впер-

вые дает подробное описание наземного погребального сооружения шамана в виде двухъярусной гробницы, установленной на четырех столбах [33].

Другие этнографы также затрагивают эту тему, но более подробное описание особых типов погребений у тувинцев дает В.П. Дьяконов в своей монографии [18], где проводит сравнительный анализ погребального обряда восточного и западного районов Тувы.

Обряд наземного захоронения практиковали тофалары по отношению к старикам, которые не могли себя обслуживать и были обузой семье. Для них строили специальный чум, крепко сколоченный и наглухо закрытый, и оставляли умирать в нем [35, с. 159]. У хакасов – сагайцев рода халар к почтенным старикам также применялся наземный тип: на помосте, установленном на четырех столбах [38, с. 109].

Во всех описанных случаях могилой умершего становилась степь под открытым небом или же специальное помещение. Иногда через определенное время родственники могли вернуться на это место и посмотреть, что стало с останками.

Таким образом, путешественники и исследователи XVIII–XXI вв. отмечают, что особое место в практике тюркских народов Южной Сибири, Средней Азии и Казахстана занимали воздушный и наземный типы погребений [13, с. 86; 18, с. 68–84; 22, с. 38 и др.]. Есть мнение, что эти обычаи были связаны с кочевым образом жизни, который не давал возможности хоронить покойников в земле [42, с. 178].

Что касается кремаций, то сведения о таком типе погребений у средневековых тюрков имеются в китайских письменных и археологических источниках. У современных тюркских народов также отмечали этот обряд путешественники и этнографы XIX–XXI вв. [9, с. 301, 346; 17; 18; 28].

Обряд ингумации у кочевников эпохи средневековья Сибири, Средней Азии, Казахстана и восточно-европейских степей связан с местами захоронений в могилах под курганными насыпями. Об этом свидетельствуют как результаты археологических раскопок на территории Евразийской степи, так и письменные свидетельства (Иоанн де Плано Карпини, Гильом де Рубрук и др.).

Несмотря на большое количество раскопанных комплексов по средневековым тюркским культурам Сибири, нет ни одной работы, в которой отразились бы данные по половозрастной структуре и демографическим показателям. За все годы исследований была охарактеризована мужская, женская и детская субкультуры, а также рассматривалась возрастная дифференциация ранних тюрков [8; 12; 39; 41; 46]. Отсутствуют такие исследования и по средневековым кочевникам Средней Азии и Казахстана.

Что касается средневековых кочевнических комплексов с территории восточно-европейских степей, то специфика их погребального обряда отражена в археологической литературе, а изучение половозрастного состава и демографических показателей находится на начальном этапе [5]. Поэтому цель данной работы – представить результаты палеодемографического исследования по средневековым кочевникам восточно-европейских степей и дать им интерпретацию, привлекая этнографические данные, информацию письменных источников и записки путешественников.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили наиболее полные антропологические серии по кочевым культурам раннетюркского, хазарского, дозолотоордынского и золотоордынского времени. При формировании культурно-хронологических серий применялись принципы палеодемографии, высказанные В.П. Алексеевым в специальной работе [1].

Изучение памятников средневековых кочевников восточно-европейских степей показало, что компактных могильников, в которых было бы вскрыто более десятка могил, немного. В связи с этим для анализа использовались как суммарные серии из-за малочисленности материалов могильников, так и материалы отдельных могильников, всего четыре группы:

- 1) раннетюркское время (конец V – первая половина VII в.) – 59 костяков (суммарная серия);
- 2) хазарское время (вторая половина VII – IX (X) в.) – 154 костяка (суммарная серия);
- 3) дозолотоордынское время (кочевнический могильник Саркел – Белая Вежа, X – начало XI в.) – 46 костяков;

- 4) золотоордынское время (могильник Бахтияровка) – 121 костяк.

Демографические структуры кочевников изучались с помощью стандартных «таблиц дожития», исследовательские процедуры которых включают расчет демографических показателей, построение полных и сокращенных (отдельно для разнополых групп) таблиц смертности, кривые распределения смертности детей, пики смертности и др. [2, с. 19–49].

Предварительная работа предполагала половозрастную диагностику всех материалов, а по ее результатам индивиды группировались в возрастные когорты, на основании которых и рассчитывались все показатели таблиц смертности, иллюстрирующие демографические закономерности. На основе табличных значений строились кривые смертности. Форма кривых является, по своей сути, новым генерализованным популяционным признаком, удобным для проведения внутрigrupповых и междугрупповых сравнений. На их основе дается демографическая оценка группы исследуемого населения.

Расчет палеодемографических параметров произведен при помощи компьютерной программы Д.В. Богатенкова PDemography 3R Acheron, построенной на базе MS Excel. Анализировались основные демографические параметры: A – средний возраст смерти в группе с учетом детей, AA – средний возраст смерти взрослого населения; AAm / AAf – средний возраст смерти отдельно по мужчинам и женщинам; PCD – доля детей в группе; PSR – процентное соотношение мужчин и женщин в группе; C (15+35) – процент индивидов, умерших в возрастной группе 15–35 лет, в целом по серии (отдельно по мужчинам и женщинам); C50+ – процент индивидов, доживших до финальной возрастной когорты (отдельно по мужчинам и женщинам).

В качестве сравнительного материала привлекались серии раннесарматского, среднесарматского, позднесарматского времени, серии городского золотоордынского населения (список серий и источники данных приведены в таблице). Кроме того, использовалась половозрастная информация по средневековым тюркским культурам Сибири.

Анализ и обсуждение. Результаты демографического анализа по кочевому населению Волго-Донского региона эпохи средневековья приведены в таблице, в которой присутствуют данные и по предшествующему населению сарматского времени, и по городским золотоордынским сериям, используемые для проведения сравнительного анализа.

Прежде всего, следует обратить внимание на половозрастную структуру, которая характеризуется нарушениями как по полу, так и по возрасту начиная со среднесарматского времени. Видимо, эта ситуация напрямую связана с вариантами оформления могильников и погребений под ними (см. таблицу).

Так, раннесарматское общество в погребальной практике применяло в основном курганы-кладбища, в которых хоронило всех умерших сородичей. Об этом свидетельствует демографическая ситуация, которая соответствует эталонным нормам для палеопопуляций, то есть нормальное соотношение по полу и достаточная доля детей (0,96 и 33,8 %).

Среднесарматское общество хоронило своих умерших как в курганах-кладбищах, так и под индивидуальными насыпями. Иногда единственная могила в кургане могла выполнять функцию коллективной усыпальницы, так как имеются случаи коллективных захоронений. Видимо, такой вариант предполагал определенные нарушения половозрастной структуры, о чем свидетельствуют данные таблицы: детских захоронений вдвое меньше (16,7 %), чем в предшествующую эпоху; сокращается и количество женских захоронений (соотношение по полу 1,3). Интересно, что в отдельных могильниках, в которых сохраняются раннесарматские традиции в среднесарматское время (могильник Первомайский), демографические показатели двух культурно-хронологических групп обладают сходством. В этом случае и соотношение по полу в норме, и детей более 30,0 % в обеих сериях. И наоборот, в могильниках, где большая часть захоронений среднесарматского времени под индивидуальными насыпями, резко сокращается доля детей (могильник Перегрузное I) [7, с. 139, табл. 3].

Что касается позднесарматского общества, то оно практиковало только индивидуальные насыпи с захоронением одного умершего. Очень редко встречаются парные, и в

исключительных случаях – более двух лиц. В связи с этим для данной группы кочевников наблюдаются половозрастные перекосы: практически полное отсутствие детей – в суммарной серии они составляют 2,8 %, более чем двукратное преобладание мужских захоронений над женскими.

Эти половозрастные перекосы сохраняются во всех группах средневековых кочевников (см. таблицу, рис. 1, 2):

1) в серии раннетюркского времени дети составляют 15,2 %; соотношение по полу – 1,9;

2) в хазарское время – 9,7 % и 1,7, соответственно;

3) в дозолотоордынское время – 6,5 % и 4,4;

4) в золотоордынское время – 5,0 % и 1,4.

В погребальной практике всех культурно-хронологических групп средневековых кочевников присутствуют либо индивидуальные насыпи, либо под курганами два погребения. Исключения очень редки [24; 29; 32].

Таким образом, вышеприведенные показатели половозрастной структуры средневековых кочевников демонстрируют стандартную, но не нормальную демографическую ситуацию, так как доля детей в могильниках должна составлять не менее 25–30 %, а половая структура – 1,0–1,1. Такие показатели демонстрируют материалы городских могильников Золотой Орды, где детей не менее 21,0 %, а соотношение по полу близко к норме (см. таблицу) [4, с. 107; 6, с. 33; 10, с. 168; 37; 50, с. 143 и др.].

Попытаемся определить причины прежде всего незначительного количества детских погребений у средневековых кочевников Волго-Донского региона. На наш взгляд, такие показатели связаны с их тюркским происхождением и со спецификой кочевничества. Несмотря на то что нет полноценных данных по демографии населения средневековых тюркских памятников Сибири для проведения полноценного сравнения, ряд авторов, в работах которых рассматривается специфика детских захоронений, отмечают их низкий процент [26, с. 22; 39, с. 70; 46, с. 138 и др.].

Указанные результаты, видимо, указывают на то, что к детям различного возраста использовались иные погребальные традиции. О наличии особых погребальных традиций в культурах древних тюрков Алтая свидетель-

ствуют случаи захоронения младенцев в гротах, межкурганном пространстве. В культуре чаатас Хакасско-Минусинской котловины к детям до 10 лет не применяли кремацию в отличие от взрослых, а хоронили по обряду трупоположения [26, с. 21–23; 27, с. 47; 40, с. 150].

Наличие особых погребальных практик по отношению к детям у различных тюркских народов подкрепляется этнографическими свидетельствами. Наиболее полная и ранняя подборка имеется в специальной работе Н.Ф. Катанова [20, с. 124, 125]. Подробное описание погребального обряда тувинцев дает В.П. Дьяконова [18, с. 60, 63, 70], которая приводит различные способы обращения с детским телом и способами его захоронения. Опираясь на полевые исследования своих предшественников, А.С. Суворова отмечает, что у бурят старинный обычай «терiania» умерших до двух лет детей в степи широко распространялся вплоть до 1960-х гг. [45, с. 160].

Кроме того, есть сведения о том, что в различных кочевых группах, например хакасов, детей хоронили отдельно на детских кладбищах, расположенных рядом с аалом. В этих могилах обычно погребали малышей в возрасте до семи лет. Младенцев и детей, до того как они начинали ходить, заворачивали в бересту или зашивали в войлок и хоронили на деревьях (обычно лиственницах), в гротах гор, в насыпях древних курганов [11, с. 113; 16, с. 312; 34, с. 74]. У тофаларов для умерших детей существовали отдельные погребальные места. Их могли похоронить в дупле дерева или в колоде, которая представляла собой часть толстого дерева.

Таким образом, небольшой процент детских захоронений в курганных могильниках средневековых кочевников Волго-Донского региона также можно связать с особыми обрядами обращения с телом умершего ребенка, что являлось древней традицией тюркских народов и сохранилось до начала XX века. При этом следует отметить, что небольшое количество детей под средневековыми курганами чаще всего размещалось в индивидуальном погребении, но рядом со взрослым. Изредка подростку сооружалась отдельная насыпь [24; 29].

Во всех культурно-хронологических группах нарушена и половая структура, о чем

свидетельствует третичное соотношение по полу. С эволюционной точки зрения стабильной стратегией является нормальное соотношение: 1 : 1 или же 1,1 : 1,0 (см. таблицу, рис. 2). Для объяснения демографической ситуации, характеризующей средневековых кочевников, следует ответить на вопрос: что способствовало отклонению от нормы? В связи с этим нужно обратиться к материалам средневековых групп кочевников Сибири. По этому поводу есть только сведения по группе ранних тюрок Саяно-Алтая, в которой отмечается деформация половой структуры, связанная с доминированием мужских захоронений над женскими почти в два раза [8; 39]. Авторы, исследовавшие социальную структуру средневековых тюрок, сообщают, что большая часть раннетюркских могильников дает еще большее численное преобладание мужских захоронений над женскими, в 2,5–2,8 раза [41, с. 74; 46, с. 142].

Есть и официальные сведения о преобладании мужчин над женщинами в пределах 10,0 % в кочевом обществе киргизов XIX в., которые сообщил Л.Ф. Костенко [23, с. 335]. Он объясняет эту диспропорцию высокой женской смертностью, связанной с их тяжелым и угнетенным положением. Вышеприведенные сведения согласуются с данными по исследуемым сериям средневековых кочевников о преобладании мужских захоронений над женскими, а объяснить эту ситуацию, наверное, можно было бы более частым применением особых типов погребений по отношению к женщинам, нежели к мужчинам.

Определить данные показатели более высокой вероятной смертностью мужского населения можно с оговоркой, так как, с одной стороны, весь исследуемый период характеризовался нестабильностью политической ситуации и участием мужчин в боевых действиях, а с другой – они обусловлены собственными мужскими занятиями. И если для серии дозолотоордынского времени кочевнического могильника Саркел – Белая Вежа, где соотношение по полу 4,4, можно согласиться с автором публикации, что в нем был захоронен военный гарнизон [32], то для более ранних групп раннетюркского и хазарского времени такое объяснение не имеет под собой обоснования. Большее количество мужских

погребений по сравнению с женскими характеризует и позднесарматское общество [7, с. 83–84]. Таким образом, можно предположить, что такая половозрастная структура характерна для подвижных кочевых социумов, важным фактором которых являются перекочевки и миграции мужской части населения, оставляющего семью и детей на зимних стоянках. Нельзя исключать культурные нормы и традиции кочевников, наиболее очевидной из них является трудовая специализация, которая определялась столетиями и была неизменной вплоть до XIX – начала XX в., а также практику иных типов погребений.

Следующий параметр, который нужно рассмотреть, – это средний возраст смерти как в целом, так и у взрослого населения во всех средневековых кочевнических группах (см. таблицу, рис. 3). С учетом детей этот показатель находится в пределах 30–32 лет, а без их учета – 32–35 лет, что демонстрирует незначительную разницу и нормальное распределение смертности, так как городское золотоордынское население имеет похожие значения. В исследуемых разнополых группах этот показатель отличается, и почти всегда он на несколько лет меньше в женских сериях, что можно считать показателем стресса, испытываемого женщиной в детородном возрасте. Следует отметить, что абсолютные значения этого признака у взрослого населения всех средневековых групп, включая городское золотоордынское, приближаются к минимальным показателям для данного региона: он ниже, чем в группах сарматского времени.

Анализ суммарных характеристик возрастного распределения демонстрирует высокую смертность в группе 15–35 лет. Она очень высокая прежде всего в женских группах: от 47,1 до 75,0 % (см. таблицу, рис. 4), причем пик смертности приходится на период максимальной фертильности: 15–25 лет. У мужчин этот показатель находится в пределах 41,3–60,3 %. Здесь пик смертности смещается к возрастной группе 20–35 лет.

По показателю «смертность в когорте 15–35 лет» наблюдается некоторая динамика: доля умерших возрастает от раннетюркского времени к золотоордынскому (см. рис. 4). Наибольший максимум наблюдается у груп-

пы, оставившей могильник Бахтияровка, в которой пик женской смертности локализуется в когорте 15–25 лет и составляет около 50,0 % смертей. Похожее распределение смертности женщин в возрасте 15–25 лет наблюдается и в городских группах могильников Красноярского городища золотоордынского времени [6, с. 32]. Традиционно такую ситуацию объясняют патологиями, связанными с беременностью и деторождением.

Последний показатель, который следует рассмотреть, – это распределение смертности в финальной когорте, старше 50 лет. Он имеет одинаковое значение (в пределах 6,5–7,4 %) и не сильно различается по сравнению с городскими золотоордынскими группами (см. таблицу, рис. 5).

Выводы. Демографический анализ групп средневековых кочевников позволил обозначить как общие, так и специфичные показатели. Первые, видимо, определяются этнокультурной принадлежностью, и их можно считать универсальными для всей совокупности исследуемых материалов рассматриваемого времени. К ним относятся зафиксированные отклонения половой и возрастной структуры, которые могут объясняться практикой особых типов погребений по отношению к детям всех возрастов и к женщинам, вероятно, обладающим особым статусом. Наличие таких типов погребений для исследуемых групп населения может быть связано с внешними факторами, которые приводили к отказу коллектива от захоронения умерших по канонам традиционного обряда.

К специфичным показателям относится четырехкратное преобладание мужчин над женщинами в группе кочевников дозолотоордынского времени, которое связывают с воинской спецификой погребенных мужчин в могильнике Саркел – Белая Вежа, и очень высокую смертность мужчин и женщин в молодом возрасте (более 60,0 %) в группе из могильника Бахтияровка. В данном случае можно предположить неблагоприятную эпидемиологическую ситуацию в регионе, так как аналогичные результаты демонстрируют и показатели двух могильников Красноярского городища (Маячный и Вакуровский бугор), и суммарная группа кочевников Золотой Орды [6, с. 156; 31, с. 220, 221].

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что половозрастная структура и демографические показатели средневековых кочевников Волго-Донского региона выстроены по канонам тюркских культур юга Западной Сибири. Результаты изучения палеоантропологических материалов подтверждаются комплексом сведений из письменных, археологических и этнографических источников.

БЛАГОДАРНОСТИ

¹ Автор выражает благодарность А.И. Нечвалоду, научному сотруднику отдела этноло-

гии Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, за предоставление половозрастной информации по могильнику Бахтияровка эпохи средневековья.

ACKNOWLEDGEMENTS

¹ I would like to express my gratitude to A.I. Nechvaloda, Researcher, Department of Ethnology, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences for providing sex and age information on the Bakhtiyarovka burial ground of the Middle Ages.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Основные демографические показатели в хронологических группах населения Волго-Донского региона

Main demographic parameters by chronological population groups in the Volga-Don region

Хронологическая группа	Nr	A / AA (AAm / AAf)	PCD (0–14 лет), Nr (%)	PSR ♂/♀	Взрослое население (Nr (%))	C 15+35 (Cm 15–35 / / Cf 15–35)	C50 + + (C50 + m / C50 + f)
Раннесарматская гр.	323	26,4 / 36,7 (37,8 / 35,8)	108 (33,8)	0,96	214 (66,2)	29,3 (40,1 / 48,6)	10,2 (14,3 / 16,5)
Среднесарматская гр.	233	31,1 / 36,4 (36,5 / 36,3)	39 (16,7)	1,3	194 (83,3)	34,3 (40,0 / 42,3)	6,0 (5,5 / 9,4)
Позднесарматская гр.	568	41,0 (42,8 / 36,6)	16 (2,8)	2,2	552 (97,2)	34,7 (28,6 / 49,1)	32,5 (36,8 / 22,5)
Раннетюркское вр.	59	32 (36,1 / 36,3)	9 (15,3)	1,9	50 (84,7)	37,4 (42,5 / 47,1)	6,8 (6,1 / 11,8)
Хазарское вр.	154	30,7 / 35,3 (36,7 / 32,4)	15 (9,7)	1,7	139 (90,3)	44,8 (41,3 / 63,4)	7,1 (9,2 / 5,7)
Дозолотоордынское вр. Коч. мог-к Саркел – Белая Вежа	46	31,6 / 33,1 (33,3 / 32,5)	3 (6,5)	4,4	43 (93,5)	54,2 (59,8 / 50,0)	6,5 (8,6 / 0,0)
Золотоордынское вр. Бахтияровка	122	30,4 / 31,7 (34,3 / 28,0)	6 (5,0)	1,4	116 (95,0)	62,8 (60,3 / 75,0)	7,4 (10,3 / 4,2)
Золотоордынское вр. Маячный бугор [6]	292	25,3 / 34,4 (37,2 / 31,7)	88 (30,1)	0,94	202 (69,9)	53,9 (40,4 / 66,7)	5,4 (4,0 / 6,7)
Золотоордынское вр. Вакуровский бугор [6]	111	22,4 / 33,0 (36,6 / 29,1)	40 (36,0)	1,09	71 (64,0)	37,8 (43,2 / 76,5)	3,7 (5,4 / 5,9)
Золотоордынское вр. Новохарьковский мог-к [10]	107	21,2 / 33,6 (33,8 / 33,4)	42 (38,2)	0,97	65 (61,8)	33,4 (48,1 / 50,0)	1,9 (3,4 / 3,3)
Золотоордынское вр. Царевское гор. и его округа [37]	212	28,4 / 35 (40,2 / 37,2)	65 (30,7)	0,96	147 (69,3)	29,0 (32,0 / 45,4)	11,3 (13,3 / 9,4)
Золотоордынское вр. Селитренное гор. [50]	362	32 / 39,1 (41,5 / 36,0)	76 (20,9)	1,25	288 (79,1)	50,2 (38,2 / 64,7)	10,9 (11,4 / 10,5)
Золотоордынское вр. Водянское гор. [4]	108	31,4 / 35,7 (36,0 / 34,8)	16 (14,8)	1,1	92 (85,2)	44,4 (55,3 / 52,4)	12,0 (12,8 / 14,3)

Примечание. Nr – объем выборки; A – средний возраст смерти в группе с учетом детей, AA – средний возраст смерти взрослого населения; AAm / AAf – средний возраст смерти отдельно по мужчинам и женщинам; PCD – доля детей в группе; PSR – процентное соотношение мужчин и женщин в группе; C (15 + 35) – процент индивидуумов в возрастной группе 15–35 лет в целом по серии (отдельно по мужчинам и женщинам); C50+ – процент индивидуумов в финальной возрастной когорте (отдельно по мужчинам и женщинам). Далее, в таблице и в рис. 1–5, используются следующие сокращения: гр. – группа; вр. – время; коч. мог-к – кочевнический могильник; гор. – городище.

Note. Nr – the sample size; A – the average age of death in the group, taking into account children; AA – the average age of death for the adult population; AAm / AAf – the average age of death for males and females separately; PCD – the percentage of child mortality in the group; PSR – the percentage of males and females in the group; C (15 + 35) – the percentage of individuals in the 15–35 age group in the overall series (separately for males and females); C50+ – the percentage of individuals in the final age cohort (separately for males and females). Further, in the table and in Figs. 1–5, the following abbreviations are used: gr. – group; ti. – time; nom. bur. gr. – nomadic burial ground; anc. set. – ancient settlement.

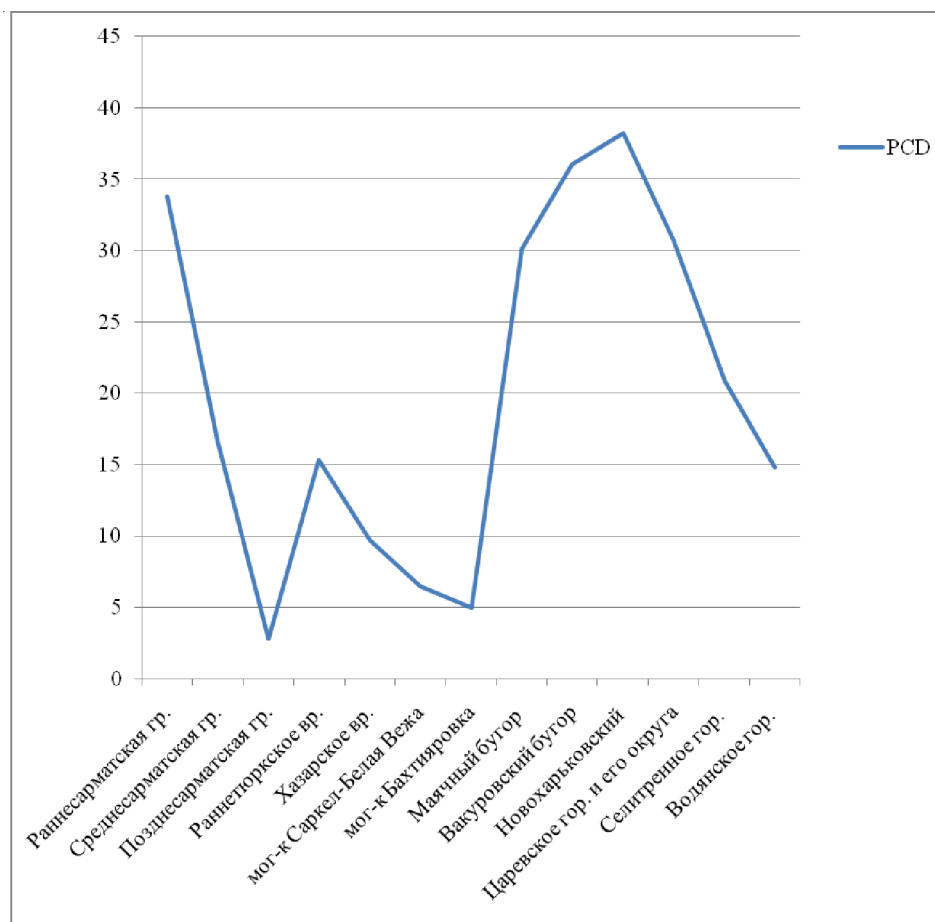

Рис. 1. Доля детей в культурно-хронологических группах
Fig. 1. Share of children in the cultural and chronological groups

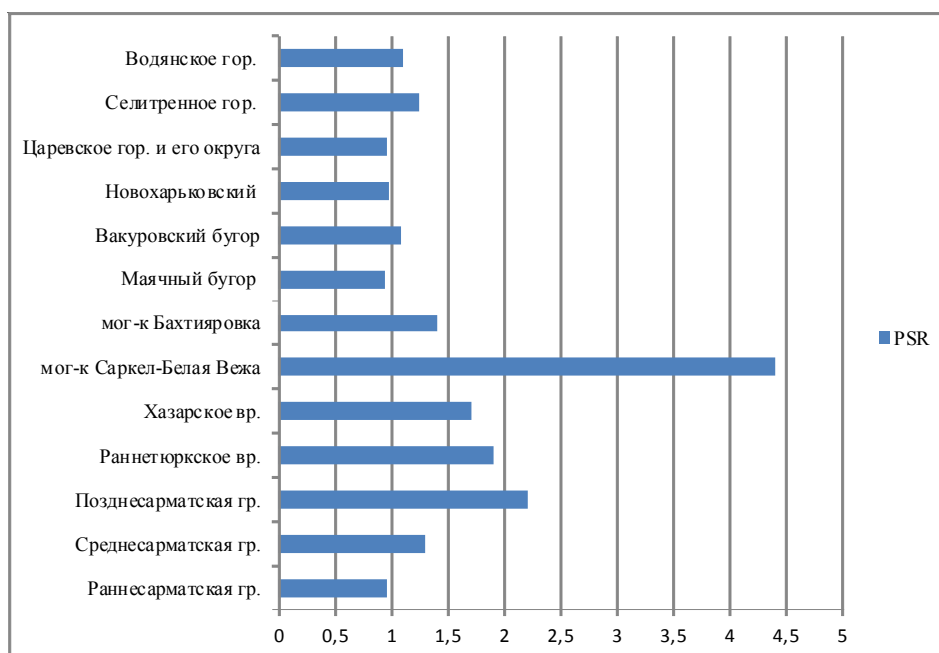

Рис. 2. Соотношение пола в культурно-хронологических группах
Fig. 2. Gender ratio in cultural and chronological groups

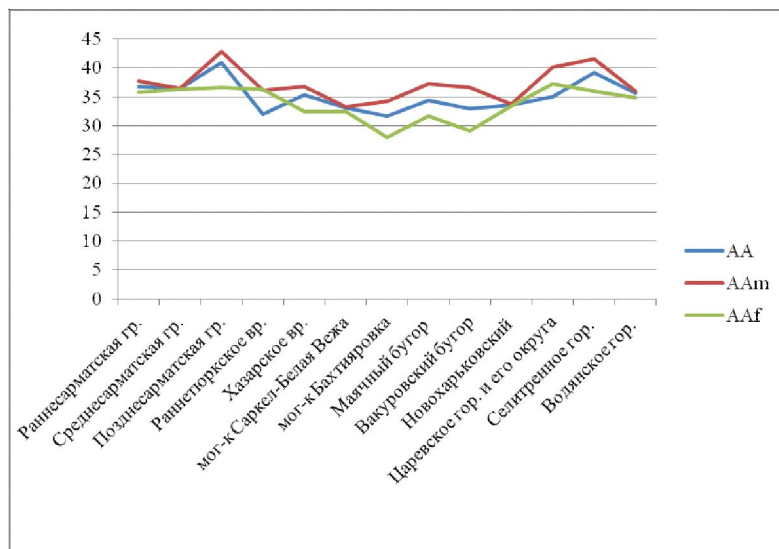

Рис. 3. Средний возраст смерти взрослого населения и в разнородных группах

Fig. 3. Average age of death in the adult population and in mixed-sex groups

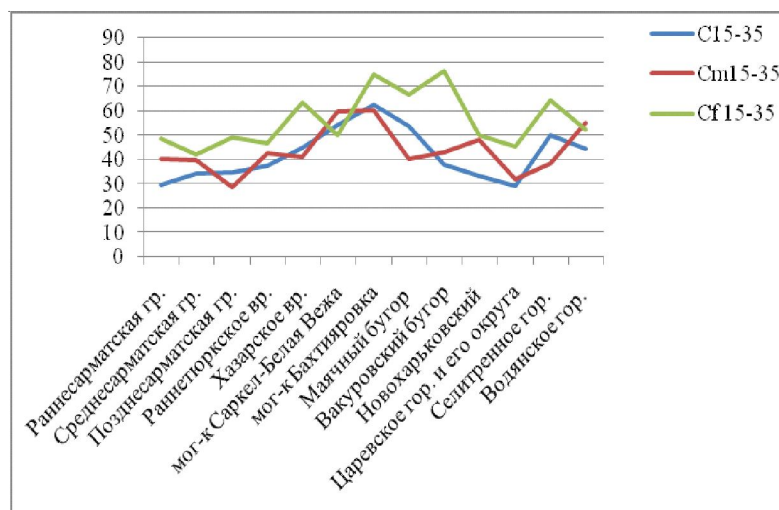

Рис. 4. Смертность в возрастной когорте 15–35 лет

Fig. 4. Mortality in the 15–35 age cohort

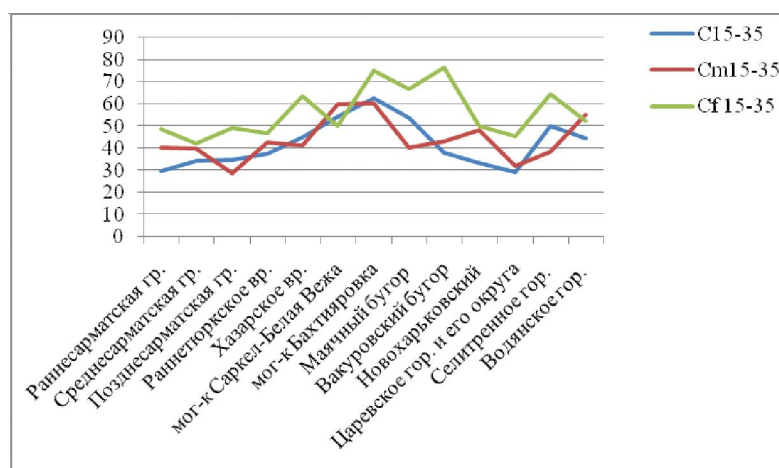

Рис. 5. Доля людей в финальной возрастной когорте (50 лет и старше)

Fig. 5. Share of people in the final age cohort (50 years and older)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В. П. Палеодемография: содержание и результаты // Историческая демография: проблемы, суждения, задачи. М.: Наука, 1989. С. 63–90.
2. Алексеева Т. И., Богатенков Д. В., Лебединская Г. В. Влахи. Антрополого-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М.: Науч. мир, 2003. 132 с.
3. Андреев И. Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы: Гылым, 1998. 280 с.
4. Балабанова М. А. Палеодемографическая характеристика Водянского городища эпохи Золотой Орды (по материалам христианизированной части кладбища) // Нижневолжский археологический вестник. 2014. Вып. 14. С. 102–111.
5. Балабанова М. А. Стратегия выживания в кочевых обществах Восточной Европы в древности и в средневековье // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 5. В 2 ч. Ч. 1. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2016. С. 15–18.
6. Балабанова М. А., Перерва Е. В., Зубарева Е. Г. Антропология Красноярского городища эпохи Золотой Орды. Волгоград: Изд-во Волгогр. фил. РАНХиГС, 2011. 180 с.
7. Балабанова М. А., Клепиков В. М., Коробкова Е. А., Кривошеев М. В., Перерва Е. В., Скрипкин А. С. Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология. Волгоград: Изд-во Волгогр. фил. РАНХиГС, 2015. 272 с.
8. Белинская К. Ы. Классификация древнетюркских женских захоронений Горного Алтая // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2007. Т. 6, вып. 3. С. 199–204.
9. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 375 с.
10. Бужилова А. П., Медникова М. Б., Козловская М. В. Демографическая и социальная структура средневековой популяции // Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. С. 168–175.
11. Бутанаев В. Я. Погребально-поминальные обряды хакасов в XIX – начале XX вв. // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. Абакан: Хакас. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории, 1988. С. 107–132.
12. Васютин С. А. Возрастная дифференциация в раннесредневековых погребальных комплексах кочевников Саяно-Алтая // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. С. 198–201.
13. Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. М.: Скоропечатни А.А. Левенсона, 1893. 221 с.
14. Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Гос. музей Востока, 1996. 150 с.
15. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. 1, 4. СПб.: Имп. Акад. наук, 1799. 434 с.
16. Грачев И. А. Похоронные обряды хакасов в XVIII – начале XX в. // От бытия к инобытию: Фольклор и погребальный ритуал в традиционных культурах Сибири и Америки. СПб.: Кунтскамера, 2010. С. 303–331.
17. Гыреева К. А. К погребальной обрядности бурятского шамана: способ кремации // Сибирский сборник – 1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 2. СПб.: Музей антропологии и этнографии Рос. акад. наук, 2009. С. 147–151.
18. Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, 1975. 164 с.
19. Исаков К. А., Умиткалиев У. У., Тлеугабулов Д. Т., Дукомбайев А. Т. Предварительное сохранение тел умерших в погребальной обрядности казахов (по материалам археологических, исторических и фольклорно-литературных источников) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 7. С. 150–162. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-7-150-162
20. Катанов Н. Ф. О погребальных обрядах у тюркских племен с древнейших времен до наших дней // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XII, вып. 2. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1894. С. 109–142.
21. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 642 с.
22. Кон Ф. Я. Предварительный отчет по экспедиции в Урянхайскую землю // Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. 1904. Т. XXXIV, № 1–2. С. 19–69.
23. Костенко Л. Ф. Туркестанский край: Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. Материалы для географии и статистики. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1880. Т. 1. 356 с.
24. Круглов Е. В. Печенеги и огузы: некоторые проблемы археологических источников // Степи Европы в эпоху средневековья. Половецко-золотоордынское время. Донецк: Донец. нац. ун-т, 2003. С. 13–82.
25. Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 304 с.

26. Кубарев Г. Я. Культура древних тюрок. По материалам погребальных памятников. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии Сиб. отд-ния Рос. акад. наук, 2005. 400 с.
27. Кызласов Л. Р. Древнехакасская культура чаатас VI–IX вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 46–52.
28. Митько О. А. Кремация в погребальной обрядности теленгитов (по материалам этнографических наблюдений) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 3. С. 260–267.
29. Мыськов Е. П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: Изд-во Волгогр. фил. РАНХиГС, 2015. 484 с.
30. Павлинская Л. Р. Типы и способы погребения у народов Сибири в контексте представлений о «потустороннем мире» // Сибирский сборник – 1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 1. СПб.: Музей антропологии и этнографии, 2009. С. 29–33.
31. Перерва Е. В. Кочевое население Нижнего Поволжья второй половины XIII – XIV в. по результатам палеопатологического исследования // Нижневолжский археологический вестник. 2022. Т. 21, № 1. С. 208–243. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.11>
32. Плетнева С. А. Кочевнический могильник близ Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Материалы исследования по археологии. Т. III, № 109. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 216–259.
33. Потапов Л. П. Материалы по этнографии тувинцев района Монгун-Тайги и Кара-Холя // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР. М.; Л.: [Б. и.], 1960. Т. 1. С. 171–237.
34. Прокофьева Е. Г. Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начала XX в.). Л.: Наука, 1977. Т. XXXIII. С. 66–79.
35. Рассадин И. В. О похоронном обряде и типах захоронения у тофаларов // Сибирский сборник – 1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 2. СПб.: Музей антропологии и этнографии, 2009. С. 157–160.
36. Самашев З. Культура ранних тюрок Казахского Алтая (по материалам некрополя Каракаба) // Восхождение к вершинам археологии. Алматы: [Б. и.], 2014. С. 669–690.
37. Сапухина Е. А. Демографические особенности населения Царевского городища и его округа // Международная полевая школа в Болгаре. Казань, Болгар: [Б. и.], 2014. С. 105–109.
38. Семейная обрядность народов Сибири: опыт сравнительного изучения. М.: Наука, 1980. 240 с.
39. Серегин Н. Н. Структура социума раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона (по материалам погребальных комплексов) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 1 (32). С. 66–77. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2016-32-1-066-077>
40. Серегин Н. Н., Матренин С. С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н. э. – XI в. н. э. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2016. 272 с.
41. Серегин Н. Н., Матренин С. С. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н. э. – XIV в. н. э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2020. 268 с.
42. Ситнянский Г. Ю. О происхождении древнего киргизского погребального обряда // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. IV. М.: Наука, 2001. С. 175–180.
43. Соколова З. П. О некоторых погребальных обрядах северных хантов и манси // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 169–175.
44. Стасевич И. В. Современная погребально-поминальная обрядность казахов и киргизов в сравнительно-историческом аспекте // Лавровский сборник: этнология, история, археология, культурология (2012–2013). СПб.: Изд-во Музея антропологии и этнографии, 2013. С. 582–587.
45. Суворова А. С. Формы погребения бурят // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 14. С. 160–164.
46. Тишин В. В., Серегин Н. Н. Возрастная дифференциация у древних тюрок VI–X вв.: опыт комплексного анализа // Этнографическое обозрение. 2016. № 1. С. 136–152.
47. Фиельструп Ф. А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М.: Наука, 2002. 300 с.
48. Цыденова Д. Ц. Похоронно-погребальный обряд агинских бурят // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. Вып. 18. С. 325–346.
49. Шатинова Н. И. Семья алтайцев. Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1981. 184 с.
50. Яблонский Л. Т. К палеодемографии средневекового города Сарай-Бату (Селитренное городище) // Советская археология. 1980. № 1. С. 142–148.
51. Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск: Тип. В.И. Корнакова, 1900. 357 с.

REFERENCES

1. Alekseev V.P. Paleodemografiya: sodержanie i rezultaty [Paleodemography: Content and Results]. *Istoricheskaya demografiya: problemy, suzhdeniya,*

zadachi [Historical Demography: Problems, Judgments, Tasks]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 63-90.

2. Alekseeva T.I., Bogatenkov D.V., Lebedinskaya G.V. *Vlahi. Antropologo-ekologicheskoe issledovanie (po materialam srednevekovogo nekropolya Mistihali)* [Vlachs. Anthropological and Ecological Study (Based on the Materials of the Medieval Necropolis of Mistikhali)]. Moscow, Nauchnyj mir Publ., 2003. 132 p.

3. Andreev I.G. *Opisanie Srednej ordy kirgiz-kajsakov* [Description of the Middle Horde of Kirghiz-Kaysaks]. Almaty, Gylym, 1998. 280 p.

4. Balabanova M.A. Paleodemograficheskaya harakteristika Vodyanskogo gorodishcha epohi Zolotoj Ordy (po materialam hristianizirovannoj chasti kladbishcha) [Paleodemographic Characteristics of the Vodyanskoe Settlement of the Golden Horde Time (Based on the Christian Part of the Cemetery)]. *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2014, iss. 14, pp. 102-111.

5. Balabanova M.A. Strategiya vyzhivaniya v kochevyh obshhestvakh Vostochnoj Evropy v drevnostii v srednevekove [Survival Strategy in Nomadic Societies of the Eastern Europe in Ancient Time and the Middle Ages]. Matveeva N.P., ed. *Ekologiya drevnikh i tradicionnykh obshhestv. Vyp. 5. V 2 ch. Ch. 1* [Ecology of Ancient and Traditional Societies. Iss. 5. In 2 Pts. Pt. 1]. Tyumen, Izd-vo TyumGU, 2016, pp. 15-18.

6. Balabanova M.A., Pererva E.V., Zubareva E.G. *Antropologiya Krasnoyarskogo gorodishcha epohi Zolotoj Ordy* [Anthropology of the Krasnoyarskoe Settlement of the Golden Horde Time]. Volgograd, Volgogr. fil. RANHiGS Publ., 2011. 180 p.

7. Balabanova M.A., Klepikov V.M., Korobkova E.A., Krivosheev M.V., Pererva E.V., Skripkin A.S. *Polovozrastnaya struktura sarmatskogo naseleniya Nizhnego Povolzhya: pogrebalnaya obryadnost i antropologiya* [The Sex and Age Structure of the Sarmatian Population of the Lower Volga Region: Funeral Rituals and Anthropology]. Volgograd, Volgogr. fil. RANHiGS Publ., 2015. 272 p.

8. Belinskaya K.Y. Klassifikaciya drevnetyurkskih zhenskikh zahoronenij Gornogo Altaya [Classification of Ancient Turkic Female Burials in Gorny Altai]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 2007, vol. 6, iss. 3, pp. 199-204.

9. Bichurin N.Ya. *Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshih v Sredney Azii v drevnie vremena. T. 1* [Collection of Information About the Peoples Who Lived in Central Asia in Ancient Times. Vol. 2]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1950. 335 p.

10. Buzhilova A.P., Mednikova M.B., Kozlovskaya M.V. Demograficheskaya i socialnaya struktura srednevekovoj populyacii [Demographic and

Social Structure of the Medieval Population]. *Novoharkovskij mogilnik epohi Zolotoj Ordy* [Novokharkiv Cemetery of the Golden Horde Era]. Voronezh, Izd-vo VGU, 2002, pp. 168-175.

11. Butanaev V.Ya. Pogrebalno-pominalnye obryady hakasov v XIX – nachale XX vv. [Funeral and Memorial Rites of the Khakas in the 19th – Early 20th Centuries]. *Istoriko-kulturnye svyazi narodov Yuzhnoj Sibiri* [Historical and Cultural Ties of the Peoples of Southern Siberia]. Abakan, Hakas. nauch.-issled. in-t yaz., lit. i istorii Publ., 1988, pp. 107-132.

12. Vasyutin S.A. Vozrastnaya differenciatsiya v rannesrednevekovykh pogrebalnykh kompleksakh kochevnikov Sayano-Altaya [Age Differentiation in the Early Medieval Burial Complexes of the Sayano-Altai Nomads]. *Rol estestvennonauchnykh metodov v arheologicheskikh issledovaniyakh* [The Role of Natural Science Methods in Archaeological Research]. Barnaul, Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2009, pp. 198-201.

13. Verbickij V.I. *Altajskie inorodcy* [Altai Aliens]. Moscow, Skoropechatni A. A. Levensona 1893. XIV. 221 p.

14. Voitov V.E. *Drevnetiurkskii panteon i model mirozdaniia v kultovopominalnykh pamiatnikakh Mongolii VI–VIII vv.* [Ancient Turkic Pantheon and Model of the Universe in Cult and Memorial Monuments of Mongolia]. Moscow, Gos. muzey Vostoka, 1996. 150 p.

15. Georgi I.G. *Opisanie vsekh obitayushchih v Rossijskom gosudarstve narodov, ih zhitejskikh obryadov, obyknovenij, odezhd, zhilishch, uprazhnenij, zabav, veroispovedanij i drugih dostopamyatnostej. Ch. 1, 4* [Description of All the Peoples Living in the Russian State, Their Daily Rituals, Customs, Clothes, Dwellings, Exercises, Amusements, Faiths and Other Memorabilia. Pts. 1, 4]. Saint Petersburg, Imp. Akad. nauk, 1799. 434 p.

16. Grachev I.A. Pohoronnye obryady hakasov v XVIII – nachale XX v. [Funeral Rites of the Khakas in the 18th – Early 20th Century]. *Ot bytiya k inobytiyu: Folklor i pogrebalnyj ritual v tradicionnykh kulturakh Sibiri i Ameriki* [From Existence to Otherness: Folklore and funeral Ritual in the Traditional Cultures of Siberia and America]. Saint Petersburg, Kuntskamera Publ., 2010, pp. 303-331.

17. Gyrgeeva K.A. K pogrebalnoj obryadnosti buryatskogo shamana: sposob kremacii [On the Funeral Rites of the Buryat Shaman: Method of Cremation]. *Sibirskij sbornik – 1: Pogrebalnyj obryad narodov Sibiri i sopredelnykh territorij. Kn. 2* [Siberian Collection – 1: Funeral Rite of the Peoples of Siberia and Adjacent Territories. Book 2]. Saint Petersburg, Muzei antropologii i etnografii Ros. akad. nauk, 2009, pp. 147-151.

18. Dyakonova V.P. *Pogrebalnyj obryad tuvincev kak istoriko-etnograficheskij istochnik* [The Funeral Rite of the Tuvinians as a Historical and Ethnographic Source]. Leningrad, Nauka Publ., 1975. 164 p.

19. Iskakov K.A., Umitkaliev U.U., Tleugabulov D.T., Dukombajev A.T. Predvaritelnoe sohranenie tel umershih v pogrebalnoj obryadnosti kazahov (po materialam arheologicheskikh, istoricheskikh i folklorno-literaturnykh istochnikov) [Preliminary Preservation of the Bodies of the Deceased in the Funeral Rites of Kazakhs (Based on the Materials of Archaeological, Historical and Folklore-Literary Sources)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 2022, vol. 21, no. 7, pp. 150-162. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-7-150-162
20. Katanov N.F. O pogrebalnykh obryadah u tyurkskikh plemyon s drevnejshih vremyon do nashih dnei [On Funeral Rites Among Turkic Tribes from Ancient Times to the Present Day]. *Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete. T. XII, vyp. 2* [Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at the Kazan University. Vol. 12, iss. 2]. Kazan, Tip. Imp. un-ta, 1894, pp. 109-142.
21. Kiselev S.V. *Drevnyaya istoriya Yuzhnoj Sibiri* [Ancient History of South Siberia]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1951. 642 p.
22. Kon F.Ya. Predvaritelnyj otchet po ekspedicii v Uryanhajskuyu zemlyu [Preliminary Report on the Expedition to Urianhai Land]. *Izvestiya Vostochno-sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva* [News of the East Siberian Branch of the Russian Geographical Society], 1904, vol. XXXIV, no. 1-2, pp. 19-69.
23. Kostenko L.F. *Turkestanskij kraj: Opyt voenno-statisticheskogo obozreniya Turkestanskogo voennogo okruga. Materialy dlya geografii i statistiki* [Turkestan Region: Experience of the Military Statistical Review of the Turkestan Military District. Materials for Geography and Statistics]. Saint Petersburg, tip. t-va «Obshchestvennaya polza», 1880, vol. 1. 356 p.
24. Kruglov E.V. Pechenegi i oguzy: nekotorye problemy arheologicheskikh istochnikov [Pecheneg and Oguze Tribes: Certain Problems of Archaeological Sources]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekovyia. Polovecko-zolotoordynskoe vremya* [The European Steppes in the Middle Ages. The Polovets and Golden Horde Times]. Donetsk, Donets. nats. un-t, 2003, pp. 13-82.
25. Kubarev V.D. *Kurgany Ulandryka* [Ulandryk Mounds]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987. 304 p.
26. Kubarev G.Ya. *Kultura drevnih tyurok. Po materialam pogrebalnykh pamyatnikov* [Culture of Ancient Turks of Altai (On Materials of Funeral Sites)]. Novosibirsk, Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii Sib. otd-niya Ros. akad. nauk, 2005. 400 p.
27. Kyzlasov L.R. Dnevnekhakasskaya kultura chaatas VI–IX vv. [The Late Khakass Culture of Chaatas of the 6th – 9th Centuries]. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekovyia* [Steppes of Eurasia in the Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 46-52.
28. Mitko O.A. Kremaciya v pogrebalnoj obryadnosti telengitov (po materialam etnograficheskikh nablyudenij) [Cremation in the Funeral Rite of the Telengites (Based on Ethnographic Observations)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of the NSU. Series: History, Philology], 2009, vol. 8, iss. 3, pp. 260-267.
29. Myskov E.P. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepey v epokhu Zolotoy Ordyy* [Nomads of the Volga-Don Steppes in the Era of the Golden Horde]. Volgograd, Volgogr. fil. RANHiGS Publ., 2015. 484 p.
30. Pavlinskaya L.R. Tipy i sposoby pogrebeniya u narodov Sibiri v kontekste predstavlenij o «potustoronnem mire» [Types and Methods of Burial Among the Peoples of Siberia in the Context of Ideas About the “Other World”]. *Sibirskij sbornik – 1: pogrebalnyj obryad narodov Sibiri i sopredelnykh territorij. Kn. 1* [Siberian Collection – 1: The Funeral Rite of the Peoples of Siberia and Adjacent Territories. Book 1]. Saint Petersburg, Muzei antropologii i etnografii, 2009, pp. 29-33.
31. Pererva E.V. Kochevoe naselenie Nizhnego Povolzhya vtoroy poloviny XIII – XIV v. po rezultatam paleopatologicheskogo issledovaniya [Nomadic Population of the Lower Volga Region Second Half of the 13th – 14th Centuries According to the Results of Paleopathological Research]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2022, vol. 21, no. 1, pp. 208-243. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.11>
32. Pletneva S.A. Kochevnicheskij mogilnik bliz Sarkela-Beloj Vezhi [Nomadic Burial Ground Near Sarkel – Belaya Vezha]. *Trudy Volgo-Donskoj arkheologicheskoy ekspedicii. T. III, № 109* [Proceedings of the Volgodonsk Archaeological Expedition. Vol. 3, no. 109]. Moscow; Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1963, pp. 216-259.
33. Potapov L.P. Materialy po etnografii tuvincev rajona Mongun-Tajgi i Kara-Holya [Materials on the Ethnography of Tuvans of the Mongun-Taiga and Kara-Khol Regions]. *Trudy Tuvinskoj kompleksnoj arheologo-etnograficheskoy ekspedicii Akademii nauk SSSR* [Proceedings of the Tuvan Complex Archaeological and Ethnographic Expedition of the USSR Academy of Sciences]. Moscow; Leningrad, s. n., 1960, vol. 1, pp. 171-237.
34. Prokofyeva E.G. Nekotorye religioznye kulty tazovskikh selkupov [Some Religious Cults of the Taz Selkups]. *Pamyatniki kultury narodov Sibiri i Severa (vtoraya polovina XIX nachala XX v.)*

[Cultural Monuments of the Peoples of Siberia and the North (The Second Half of the 19th – Early 20th Century)]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, vol. XXXIII, pp. 66-79.

35. Rassadin I.V. O pohoronnom obryade i tipah zahoroneniya u tofalarov [On the Funeral Rite and Types of Burial Among Tofalars]. *Sibirskij sbornik – 1: Pogrebalnyj obryad narodov Sibiri i sopredelnyh territorij. Kn. 2* [Siberian Collection – 1: Funeral Rite of the Peoples of Siberia and Adjacent Territories. Book 2]. Saint Petersburg, Muzei antropologii i etnografii, 2009, pp. 157-160.

36. Samashev Z. Kultura rannih tyurkov Kazahskogo Altaya (po materialam nekropolia Karakaba) [The Culture of the Early Nomads of the Kazakh Altai (Based on the Materials of the Karakaba Necropolis)]. *Voskhozhdenie k vershinam arheologii* [Ascension to the Crowns of Archeology]. Almaty, s. n., 2014, pp. 669-690.

37. Sapuhina E.A. Demograficheskie osobennosti naseleniya Carevskogo gorodishcha i ego okrug [Demographic Characteristics of the Population of the Tsarevskoye Settlement and Its Surroundings]. *Mezhdunarodnaya polevaya shkola v Bolgare* [International Field School in Bolgar]. Kazan, Bolgar, s. n., 2014, pp. 105-109.

38. *Semejnaya obryadnost narodov Sibiri: opyt sravnitel'nogo izucheniya* [Family Rituals of the Peoples of Siberia: The Experience of Comparative Study]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 240 p.

39. Seregin N.N. Struktura sociuma rannesrednevekovykh tyurok Altae-Sayanskogo regiona (po materialam pogrebalnykh kompleksov) [Society Structure of Medieval Turks in Altai-Sayan Region (On Materials of Funeral Complexes)]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 2016, no. 1 (32), pp. 66-77. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2016-32-1-066-077>

40. Seregin N.N., Matrenin S.S. *Pogrebalnyi obryad kochevnikov Altaya vo II v. do n.e. – XI v. n.e.* [Funeral Rite of Altai Nomads in the 2nd Century BC – 11th Century AD]. Barnaul, Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2016. 272 p.

41. Seregin N.N., Matrenin S.S. *Sotsialnaya istoriya naseleniya Altaya v epokhu kochevykh imperiy (II v. do n.e. – XIV v. n.e.): po materialam arheologicheskikh kompleksov* [Social History of the Altai Population in the Era of Nomadic Empires (The 2nd Century BC – 14th Century AD): Based on Materials from Archaeological Complexes]. Barnaul, Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2020. 268 p.

42. Sitnyanskij G.Yu. O proiskhozhdenii drevnego kirgizskogo pogrebalnogo obryada [On the Origin of the Ancient Kyrgyz Funeral Rite]. *Sredneaziatskij*

etnograficheskij sbornik. Vyp. IV [Central Asian Ethnographic Collection. Iss. 4]. Moscow, Nauka Publ., 2001, pp. 175-180.

43. Sokolova Z.P. O nekotorykh pogrebalnykh obryadah severnykh hantov i mansi [About Some Funeral Rites of the Northern Khanty and Mansi]. *Etnografiya narodov Altaya i Zapadnoj Sibiri* [Ethnography of the Peoples of Altai and Western Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1978, pp. 169-175.

44. Stasevich I.V. Sovremennaya pogrebalno-pominalnaya obryadnost kazahov i kirgizov v sravnitel'no-istoricheskom aspekte [Modern Funeral and Memorial Rituals of the Kazakhs and Kirghiz in a Comparative Historical Aspect]. *Lavrovskij sbornik: etnologiya, istoriya, arheologiya, kulturologiya (2012–2013)* [Lavrovsky Collection: Ethnology, History, Archeology, Cultural Studies (2012–2013)]. Saint Petersburg, Izd-vo Muzei antropologii i etnografii, 2013, pp. 582-587.

45. Suvorova A.S. Formy pogrebeniya buryat [Buryat Burial Forms]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 2012, no. 14, pp. 160-164.

46. Tishin V.V., Seregin N.N. Vozrastnaya differenciatsiya u drevnykh tyurkov VI–X vv.: opyt kompleksnogo analiza [Age Differentiation Among the Ancient Turks of the 6th – 10th Centuries: The Experience of a Comprehensive Analysis]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2016, no. 1, pp. 136-152.

47. Fielstrup F.A. *Iz obryadovoj zhizni kirgizov nachala XX veka* [From the Ritual Life of the Kirghiz People of the Early 20th Century]. Moscow, Nauka Publ., 2002. 300 p.

48. Cydenova D.C. Pohoronno-pogrebalnyj obryad aginskih buryat [Funeral and Burial Rites of the Agin Buryats]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Problems of History, Philology, Culture], 2007, iss. 18, pp. 325-346.

49. Shatinova N.I. *Semya altajcev* [The Altai Family]. Gorno-Altaysk, Alt. kn. izd-vo, 1981. 184 p.

50. Yablonskij L.T. K paleodemografii srednevekovogo goroda Saraj-Batu (Selitrennoe gorodishche) [On the Paleodemography of the Medieval City of Sarai-Batu (Selitrennoe gorodishche)] *Sovetskaya arheologiya*, 1980, no. 1, pp. 142-148.

51. Yakovlev E.K. *Etnograficheskij obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Eniseya i obyasnitelnyj katalog etnograficheskogo otdela muzeya* [An Ethnographic Review of the Non-Native Population of the Southern Yenisei Valley and an Explanatory Catalog of the Ethnographic Department of the Museum]. Minusinsk, Tip. V. I. Kornakova. 1900. 357 p.

Information About the Author

Maria A. Balabanova, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Russian and World History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, mary.balabanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1565-474X>

Информация об авторе

Мария Афанасьевна Балабанова, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, mary.balabanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1565-474X>